

лось стойкое представление как об обывательской пошлости⁷⁰ В защиту надписей выступил старичок-сенатор из небольшого рассказа И. А. Бунина «Надписи» (1924),⁷¹ который возражал своим собеседникам: «А я думаю, господа, что ваше остроумие над пошлостью этого обывателя гораздо пошлее, не говоря уже о вашем бессердечии и — о лицемерии, ибо кто же из вас тоже не расписывался в том или другом месте и в той или иной форме?» (304). Перечисляя различные виды надписей (в том числе «изодранные перстнями, точно паутиной покрытые зеркала в кабацких кабинетах» — 307), старичок-сенатор не забыл и «тысячи имен и инициалов на старых деревьях и на скамейках в усадьбах и городах, в Орле и Кисловодске, в Царском Селе и в Ореанде, в Нескучном и в Версале, в Веймаре и Риме, в Дрездене и Палермо» (305). Логика его защитительной речи такова: «Пошлость, цыганщина? Но разве важно, отчего именно счастлив или несчастлив человек? Все слезы одинаковы, все они капли одной и той же влаги!» (307). Старичку-сенатору понятна эмоциональная напряженность надписи: «Нет, надписи на зеркалах меня ужасно всегда трогали! Трогали и инициалы на скамейках и деревьях, вырезанные тоже по случаю того, что когда-то „была чудесная весна“ и „хороша и бледна, как лилея, в той аллее стояла она...“ Тут опять то же самое: не все ли равно, чьи имена, чьи инициалы, — Гёте или Фрица, Огарева или Епиходова, Лизы из „Дворянского гнезда“ или ее горничной? Тут главное все-таки в том, что была „до ланит восходящая кровь“ и заветная скамья, что „шиповник алый цвел“ (и, конечно, отцвел в свой срок), что блаженные часы проходят и что надо, необходимо (почему, один Бог знает, но необходимо) хоть как-нибудь и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти, отцветанию шиповника. Тут вечная, неустанная наша борьба с „рекой забвения“. И что ж, разве эта борьба ничего не дает, разве она уже совсем бесплодна? Нет, тысячу раз нет!» (308).

За патиной обывательских представлений персонаж Бунина проницательно разглядел психологическую сторону и самую суть надписи: для пишущего или вырезающего ее этот момент «есть час его великой скорби или радости» (308)⁷² В своей страстной речи старичок-сенатор никак не затронул вопроса о связи надписей с литературой, более того, его занимает в первую очередь их бытование именно в реальной жизни. Говоря об именах или инициалах на дереве, старичок-сенатор никак не выделил их из других видов надписей — очевидно, что к XX веку связь надписи на дереве с идиллической традицией уже не осознавалась и была утрачена окончательно.

⁷⁰ Одна из институток первой половины XIX в вспоминала, как однажды во время прогулки воспитанниц в саду классная дама поучала их «Прошу не брать примера со старших — строчить на деревьях всякий вздор! Только бы найти эту дрянь, завтра же здесь не будет! И не смейте у меня подходить читать этот вздор!» (<Водовоз>-ва <Е Н> Из заметок старой пансионерки // Голос 1866 № 16 16(28) января С 1)

⁷¹ См. Бунин И. А. Соч. В 3 т. М., 1982 Т 2 С 304–308 Далее в скобках указываются страницы этого издания

⁷² Ср. признание Вяч. Иванова в автобиографическом письме С. А. Венгерову (1917 г.) «Я сторал в то лето какую-то лихорадкую дерзновенность и счастья, писал с каждою почтой своей будущей жене и ее брату и получал от них письма, бродил ночами по лесу и вырезал на деревянной стене своей комнаты строки из „Фауста“» (Русская литература XX века 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1918 Т 3, кн 8 С 89)